

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ДЕННИС ЛИХЭЙН

Лихэйн — мастер сложных характеров, помещенных в напряженные и невероятно увлекательные ситуации.

Гиллиан Флинн



**ТАИШТВЕННАЯ
РЕКА**

Оглавление

I. Мальчишки, Сбежавшие от Волков (1975)

1. Стрелка и Плешка

2. Четыре дня

II. Грустноглазые Синатры (2000)

3. Слезы в ее волосах

4. Я больше не вижу тебя

5. Оранжевые шторы

6. Потому что разбилось оно

7. В крови

8. Старик Макдональд

9. Водолазы в канале

10. Улики

11. Красный дождь

12. Ваши краски

13. Огни

14. Такого больше у меня уже не будет

III. Ангелы молчания

15. Чудный парень

16. Я тоже рад тебя видеть

17. Один короткий взгляд

18. Некогда знакомые слова

19. Какими они мечтали быть

20. Когда она вернется домой

21. Гоблины

IV. Облагораживание

22. Рыба-охотник

23. Крошка Винчи

24. Племя отверженных

25. Парень в багажнике

26. Затерявшийся в пространстве

27. Кого ты любишь?

Эпилог. Джимми Плешка. Воскресенье

28. Мы займем тебе местечко

Благодарности

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

Книги
ДЕННИСА ЛИХЭЙНА,
опубликованные
Издательской Группой «Азбука-Аттикус»

О Патрике Кензи и Энди Дженнаро

Глоток перед битвой
Дай мне руку, тьма
Святыня
Прощай, детка, прощай
В ожидании дождя
Лунная миля

О Коглинах

Настанет день
Ночь — мой дом
Ушедший мир

Таинственная река
Остров Проклятых
Общак
Когда под ногами бездна

ДЕННИС ЛИХЭЙН

ТАИНСТВЕННАЯ РЕКА



Санкт-Петербург

Dennis Lehane
MYSTIC RIVER
Copyright © 2001 by Dennis Lehane
All rights reserved

Перевод с английского Елены Осеневой
Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Виктории Манацковой

Лихэйн Д.

Таинственная река : роман / Деннис Лихэйн ; пер. с англ. Е. Осеневой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. — (Звезды мирового детектива).

ISBN 978-5-389-04949-9

16+

Денниса Лихэйна называли «наследником Джона Стейнбека и Рэймонда Чандлера»; его романы, в которых переплетаются элементы детектива, триллера и драмы, стали мировыми бестселлерами и переведены более чем на тридцать языков. По многим книгам Лихэйна сняты художественные фильмы, например «Прощай, детка, прощай» Бена Аффлека, «Остров Проклятых» Мартина Скорсезе с Леонардо Ди Каприо и «Таинственная река» Клинта Иствуда с Шоном Пенном и Тимом Роббинсом в главных ролях (фильм номинировался на шесть «Оскаров» и получил два). Роман «Таинственная река» называли «лучшей книгой Лихэйна» (Newsweek), «шедевром сюжетостроения, атмосферы и саспенса» (Cleveland Plain Dealer); именно он «мгновенно катапультировал Лихэйна в высшую лигу» (Tampa Tribune).

Излечимы ли вообще детские травмы — временем, психотерапией, медикаментами? Или жертвам давнего насилия так и нести до самой смерти груз позора, боли, унижения? Детство кончилось раз и навсегда — шокирующе, бесповоротно — четверть века назад, но вот старые друзья Джимми, Шон и Дейв сходятся вновь: у одного трагически погибла дочь, другому предстоит расследовать это преступление, а в третьем видят главного подозреваемого...

«Всем читать „Таинственную реку“! Эх, как же великолепно Лихэйн пишет» (Элмор Леонард).

© Е. В. Осенева, перевод, 2003

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

Всем читать «Таинственную реку»! Эх, как же великолепно Лихэйн пишет.

Элмор Леонард

Лихэйн — мастер сложных характеров, помещенных в напряженные и невероятно увлекательные ситуации.

Гиллиан Флинн

Лихэйн — уникал, один из немногих, в чьей власти менять условия игры. Он не просто сносит перегородки между жанрами — для него их будто не существует.

Тана Френч

Деннис Лихэйн — рассказчик от бога.

New York Journal of Books

«Таинственная река» — лучшая книга Лихэйна. Диалог буквально искрится, а картина мира ни капли не упрощена.

Newsweek

Лихэйн умеет пронять читателя до глубины души. Хотите узнать, когда умирает невинность, — просто посмотрите героям «Таинственной реки», трем бывшим друзьям, в глаза.

New York Times Book Review

Детектив высшей пробы, и одновременно — литературное событие первой величины. Лихэйн мастерски играет на ваших потаенных страхах...

USA Today

Эта история о мести, убийстве, смысле дружбы и превратностях судьбы никого не оставит равнодушным.

Denver Rocky Mountain News

Лихэйн мастерски вскрывает психологические бездны, превращая детектив в событие большой литературы.

New York Daily News

Деннис Лихэйн — один из лучших писателей современности, а «Таинственная река» — шедевр сюжетостроения, атмосферы и саспенса. О таком достижении большинству авторов остается только мечтать.

Cleveland Plain Dealer

Деннис Лихэйн — ярчайший голос в современной остросюжетной прозе.

Seattle Times

«Таинственная река» мгновенно катапультировала Лихэйна в высшую лигу.

Tampa Tribune

Другого слова, кроме «шедевр», на ум не приходит.

Providence Journal

Лучший детектив как минимум последнего десятилетия — и в то же время настоящий большой роман, обязательное чтение для всех любителей хорошей прозы.

Memphis Commercial Appeal

Лихэйн отправляет нас в экспедицию в наше современное сердце тьмы.

Arizona Republic

В «Таинственной реке» напряженность триллера сочетается с роковой неизбежностью греческой трагедии, а Лихэйн у нас на глазах превращается в звезду первой величины.

People

Интригующий сюжет заставляет читателя стремительно глотать страницы, а стилистическое мастерство — смаковать каждую фразу. Такая вот парадоксальная динамика.

Denver Post

Живые, достоверные персонажи, трагические совпадения, светлая меланхолия — ну как в эту книгу не влюбиться?

Detroit News

Уникальное сочетание железно выстроенного сюжета и филигранной стилистики.

Dayton Daily News

Отменный нуар, не уступающий классическим образцам жанра, — и едва ли не тактильное удовольствие на уровне текста.

New York Times

Из кирпичиков, знакомых, казалось бы, до боли, Деннис Лихэйн выстраивает совершенно новое здание...

Washington Post Book World

Лихэйн достоин включения в пантеон самых
интересных и талантливых американских
писателей современности, причем вне
зависимости от жанра.

Washington Post

Жесткая, элегантная, музыкально
сбалансированная проза... ни грамма лишнего
жира.

Milwaukee Journal Sentinel

Моей жене Шейле

[Он] не понимал женщин, не так, как не понимают их судейские или актеры, а так, как не понимают законов купли-продажи бедняки. Хотя всю жизнь стой возле дверей банка, не догадаешься, что происходит внутри. Вот почему в глубине души они всегда предпочли бы ограбить мини-маркет.

Пит Декстер. Закрома Господа

Нет улицы, где камни немые,
Нет дома, где не звучало б эхо.

Гонгора

I
**Мальчишки,
Сбежавшие от Волков**
(1975)

1

Стрелка и Плешка

Когда Шон Дивайн и Джимми Маркус были детьми, отцы обоих работали на кондитерской фабрике Колмана и приносили домой с работы запах горячего шоколада. Шоколадом пропахли их одежда, постели и виниловые спинки кресел в их машинах. В кухне у Шона пахло тянучками, в ванной — жвачкой Колмана. Ко времени, когда им с Джимми исполнилось одиннадцать, они успели так стойко возненавидеть сладкое, что впредь пили кофе только черный, а на десерт даже не глядели.

По субботам отец Джимми заезжал к Дивайнам пропустить баночку пивка с отцом Шона. Он брал с собой Джимми, и пока баночка не превращалась в шесть плюс две-три порции виски, Джимми и Шон играли во дворе, иногда вместе с Дейвом Бойлом, мальчишкой с девчачьими слабыми руками и близоруким прищуром, знавшим кучу анекдотов и прибауток, которых поднабрался от своих дядьев. Из-за жалюзи кухни доносились треск вскрываемых пивных банок, внезапные взрывы хриплого хохота и резкое щелканье зажигалок, когда мистер Дивайн и мистер Маркус закуривали свои «Лаки страйк».

У отца Шона, мастера, работа была получше. Он был высокий, белокурый, улыбчивый. Улыбка его, как не раз замечал Шон, моментально усмиряла гнев матери, словно внутри нее задували огонь. Отец Джимми работал грузчиком. Маленький, с падающими на лоб вечно спутанными темными вихрами, глазами, в которых словно прыгал некий живчик, он был порывист, быстр и непоседлив — не успеешь моргнуть, а он уже на другом конце комнаты. У Дейва Бойла отца не было, были только дядья, а брали его с собой по субботам

лишь потому, что он вечно как банный лист лип к Джимми: стоило ему увидеть, как тот выходит из дому с отцом, как он, запыхавшийся, уже тут как тут возле их машины и робко, но с тайной надеждой тянет: «Ты куда собрался, а, Джимми?»

Все они жили в Ист-Бакинхеме, к западу от центра, в районе мелких магазинчиков и тесных дворов, где туши в витринах мясных лавок еще сочились кровью, названия баров были ирландскими, а возле обочин стояли припаркованные «додж-дарты». Женщины в этом районе повязывали голову косынкой и в качестве портсигаров использовали кошельки из искусственной кожи. Лишь год-два минуло с тех пор, как старших мальчиков перестали вылавливать по улицам для мгновенной отправки в армию. Возвращались они через год или год с небольшим хмурые, с потухшим взглядом или же совсем не возвращались. Днем матери просматривали газеты в поисках объявлений о скидках, вечерами отцы отправлялись в бары. Все знали друг друга, никто отсюда не уезжал, кроме тех самых старших мальчиков.

Джимми и Дейв были с Плешки, расположенной за Тюремным каналом с южной стороны Бакинхем-авеню. Жили они неподалеку от Шона, но дом Дивайнов находился к северу от авеню, на так называемой Стрелке, а Стрелка и Плешка не очень-то между собой общались.

Нельзя сказать, что Стрелка сияла роскошью. Просто Стрелка была Стрелкой — местожительством квалифицированных рабочих, «синих воротничков», кварталами однотипных островерхих домов с редкими вкраплениями викторианских особнячков, с «доджами», «шевроле» и «фордами» у обочины. Но жители Стрелки были домовладельцами, в то время как люди с Плешки — квартиросъемщиками. В церкви жители Стрелки держались кучно, в предвыборную кампанию стояли на

углах с плакатами. А жители Плешки перебивались кое-как: ютились, подобно зверью в норах, вдсятером в одной квартире, на грязных замусоренных улицах Трущобвилля, как Шон и его одноклассники по школе Сент-Майк называли этот район. Многие семьи жили на пособие, отправляя детей в бесплатные школы; много было и неполных семей. Таким образом, в то время как Шон, посещая приходскую Сент-Майк, надевал черные брюки, черный галстук и голубую рубашку, Джимми и Дейв ходили в школу Льюиса М. Дьюи, где разрешалось носить уличную одежду, что было прекрасно, но носили они при этом одну и ту же одежду три дня из пяти, а это уже прекрасным вовсе не было. У мальчиков из М. Дьюи лица пестрели прыщами, школу они часто бросали не окончив; а некоторые из девочек облачались на выпускной бал в платья свободного покроя для беременных.

Поэтому, если б не отцы, герои наши вряд ли смогли бы сдружиться. На неделе времени на прогулки у них не оставалось, но в их распоряжении были увлекательные субботы с играми во дворе, рысканиями по свалкам среди куч щебня за Харвест-стрит или катаниями на метро в центр — не для осмотра достопримечательностей, а лишь для ни с чем не сравнимого ощущения движения по темному туннелю под стук колес и визг тормозов на поворотах, в мелькании огней, от которого у Шона всегда захватывало дух. Ведь все могло произойти в компании с Джимми. Потому что если Джимми и был знаком с правилами поведения — в метро, на улицах, в кинотеатрах, — знакомства этого он не выказывал.

Однажды на Саут-стейшн они забавлялись тем, что гоняли по платформе оранжевый хоккейный мяч. Джимми упустил мяч, брошенный Шоном, и мяч упал на пути. Прежде чем Шон успел сообразить, что задумал его дружок, тот спрыгнул с платформы прямо

на рельсы, туда, к крысам, мышам и страшной третьей рельсе.

Пассажиры на платформе просто спятили. Они принялись орать на Джимми. Одна женщина с посеревшим, как пепел от сигары, лицом, опустившись на колени, вопила:

— А ну, подымайся назад! Подымайся сию минуту, черт тебя подери!

Шон услышал низкий гул — не то от поезда, уже нырнувшего в туннель возле Вашингтон-стрит, не то от грузовиков, мчавшихся по улице наверху. Люди на платформе тоже слышали этот гул. Они замахали руками и стали озираться в поисках дежурного полисмена. Какой-то тип заслонил рукой глаза своей дочери.

Джимми же, не поднимая головы, вглядывался в темноту — он искал мяч. И он нашел его. Стер с него сажу рукавом рубашки, не обращая внимания на толпу свесившихся с платформы и тянущих к нему руки.

Толкнув локтем Шона, Дейв пронзительно вскрикнул:

— Ой, ты!

Джимми прошел по середке между рельсами к дальнему краю платформы, где находилась лесенка и где раскрывалось темное жерло туннеля, гул из которого уже сотрясал станцию. Люди, толпившиеся на платформе, теперь буквально *подпрыгивали*, молотя кулаками по бедрам. Джимми шел не спеша, вразвалочку, а потом обернулся, встретился глазами с Шоном и осклабился.

Дейв сказал:

— Смеется. Ненормальный.

Едва только Джимми ступил на лесенку, как многочисленные руки, потянувшись, подхватили его. Шон видел, как взлетело вверх его тело — ноги налево, голова направо; Джимми выглядел таким маленьким и легким в руках рослого мужчины, словно кукла, набитая

опилками, но, несмотря на чьи-то пальцы, хватавшие его за локоть, несмотря на то, что щиколотка его еще билась о край платформы, он крепко прижимал к груди мяч. Шон чувствовал, как трясется рядом растерянный Дейв. Шон глядел на лица тех, кто поднимал Джимми на платформу. Теперь на них не было страха, волнения или выражения беспомощности, как еще минуту назад. Он читал на этих лицах ярость — уродливые злые чудовища с искаженными злобой чертами. Казалось, они сейчас вцепятся в Джимми зубами, а потом изобьют его до смерти.

Подняв Джимми, они не отпускали его, держа за плечи, словно ожидая того, кто скажет, что с ним делать дальше. Поезд выскочил из туннеля, раздался чей-то крик, а потом смех — оглушительный гогот, так гогочут ведьмы вокруг котла со своим адским варевом, — потому что поезд прошел с другой стороны станции, направляясь в северную часть города, и Джимми поднял глаза на обступивших его людей, словно говоря: «Ну что? Съели?»

Стоявший бок о бок с Шоном Дейв тоненько хихикнул, победно взмахнув руками.

Шон отвел глаза, в чувствах его царил сумбур.

В тот же вечер отец Шона усадил его на табуретку в подвальной мастерской. Там было тесно от всех этих черных слесарных тисков, гвоздей и шурупов в банках из-под кофе, дощечек и фанерок, аккуратно сложенных под исцарапанным верстаком посреди комнаты; молотки висели по стенам в своих гнездах, как зачехленное оружие, рядом с двуручной пилой на крюке. Отец, подрабатывавший и у соседей, нередко приходил сюда — мастерил птичьи домики для себя и полочки под цветочные горшки для жены. Здесь же он обдумывал конструкцию заднего крыльца, которое и

воздвиг вместе с приятелями в то знойное лето, когда Шону минуло пять лет. А еще он спускался сюда в поисках покоя и уединения или же, как это было известно Шону, когда сердился — на Шона ли, на мать или на свою работу. Птичьи домики — разнообразнейшие: то в виде миниатюрных тюдоровских замков, то в колониальном или викторианском стиле, а то имитирующие швейцарские шале, в результате громоздились в подвальном углу, так как такого количества птиц не нашлось бы даже в лесах Амазонки.

Сидя на красной круглой табуретке, Шон водил пальцем между губками слесарных тисков, вдыхая запах машинного масла и опилок и ожидая, когда отец заговорит.

— Шон, — сказал отец, — сколько раз тебе надо повторять одно и то же!

Шон вытащил палец из тисков и стер с ладони масло.

Собрав с верстака валяющиеся там гвозди, отец ссыпал их в желтую банку из-под кофе.

— Я знаю, тебе нравится Джимми Маркус, но если вы хотите играть вместе, то отныне это будет около дома. Твоего дома, а не его.

Шон кивнул. Препираться с отцом было бессмысленно, когда он говорил таким тоном, как сейчас — спокойным, размеренным, чеканя каждое слово.

— Ведь мы поняли друг друга?

Сдвинув банку из-под кофе, отец смотрел вниз на Шона.

Шон кивнул. Он глядел, как отец стряхивает с толстых пальцев опилки.

— И надолго?

Потянувшись, отец снял клочок паутины с крюка на потолке. Скатав паутину в комочек, он бросил его в стоявшее под верстаком мусорное ведро.

— Да, надолго. И вот еще, Шон...

— Что?

— Не вздумай лезть с этим к матери. Она решительно против твоей дружбы с Джимми после этого сегодняшнего его фортеля.

— Джимми вовсе не такой плохой. Он...

— Я и не сказал, что он плохой. Но он дикарь, а мама устала от дикарей.

Шон заметил, как сверкнули глаза отца при слове «дикарь», и понял, что на секунду перед глазами его возник другой Билли Дивайн, чей образ можно было воссоздать по подслушанным обрывкам разговоров и нечаянным обмолвкам дядьев и тетушек. Старина Билли был «забиякой», как однажды с улыбкой сказал дядя Колм, но тот Билли Дивайн исчез незадолго до рождения Шона, превратившись в этого тихого аккуратного человека, чьи толстые ловкие пальцы соорудили целую гору птичьих домиков.

— И не забудь наш разговор, — сказал отец и похлопал его по плечу в знак того, что он может идти.

Шон вышел из мастерской, думая о том, что, наверное, в компании Джимми его привлекает то же самое, чем привлекает отца общество мистера Маркуса, когда субботняя выпивка плавно перетекает в воскресную под взрывы хриплого смеха, и что, может быть, того же самого мать и боится

А несколько суббот спустя Джимми и Дейв Бойл заявили к Дивайнам без отца Джимми. Они постучали в заднюю дверь, когда Шон приканчивал завтрак, и он услышал, как мать открыла им со словами: «Привет, Джимми, привет, Дейв», сказанными этим ее подчеркнуто вежливым тоном, каким она говорила с людьми, ей не слишком приятными.

В тот день Джимми был тихим. Казалось, сумасшедшая энергия его затаилась, свернувшись клубком. Шон

явственно ощущал, как распирает она его внутренности и как Джимм сглатывает ее, когда она подступает к горлу. Джимми словно потемнел и уменьшился в размерах — ткни иголкой, и лопнет. Шон и раньше видел Джимми в мрачном настроении, на того иногда «находило». И он не раз задавался вопросом, умеет ли Джимми как-то сдерживать наступление таких припадков, или они возникают стихийно, вроде ангины или материнских кузин — нежданно-негаданно, хочешь не хочешь.

Когда на Джимми «находило», Дейв прямо из кожи лез вон. Он считал тогда своей прямой обязанностью развеселить всех, и это особенно доставало.

Сейчас, когда они стояли на тротуаре, решая, чем заняться, — сумрачно-сдержанный Джимми и Шон, еще не очухавшийся ото сна, и им предстоял субботний день, бесконечный, хоть и ограниченный длиной улицы, на которой находился дом Шона, Дейв спросил:

— Эй, а почему собака яйца лижет?

Ни Шон, ни Джимми не ответили. Эту шутку они слышали не один десяток раз.

— Да потому, что дотянуться может! — взвизгнул Дейв и схватился за живот, словно сейчас лопнет от смеха.

Они двинулись по тротуару, туда, где стояли ограждения, потому что рабочие меняли там несколько метров асфальта и желтая ленточка с надписью «осторожно!» образовывала прямоугольник, внутри которого застывал свежий асфальт, но Джимми прорвал ленточку, пройдя за ограждения. Сев на корточки, так, чтобы кеды его оставались на старом асфальте, он чертил веткой по мягкому асфальту узор из тонких линий, напомнивший Шону морщинистые руки старика.

— Мой папа больше не работает с твоим.

— Чего это вдруг?

Шон присел на корточки рядом с Джимми. Палки у него не было, а она была ему нужна позарез. Ему

хотелось делать то же самое, что и Джимми, даже если он не знал зачем, даже если отец располосовал бы ему за это ремнем всю задницу.

Джимми пожал плечами.

— Он умнее всех их, вместе взятых. Вот они его и испугались, слишком много знал всякого-разного, всяких вещей.

— Умные вещи знал, — подхватил Дейв Бойл. — Верно, Джимми?

Верно, Джимми? Верно, Джимми? Дейв мог иногда вот так заладить, словно попугай.

Шон прикидывал, какие такие особенные вещи можно знать про шоколад и конфеты и почему знания эти могут сыграть такую роковую роль.

— А какие вещи он знал?

— Ну, как наладить дело получше, — без большой убежденности пояснил Джимми. — Словом, разные вещи и очень важные.

— Ясно.

— Как по-умному дело наладить, верно, Джимми? Верно?

Но Джимми опять занялся расковыриванием тротуара. Дейв Бойл нашел и себе палочку и, склонившись над мягким асфальтом, принялся чертить круг. Джимми нахмурился и отшвырнул ветку в сторону. Перестав чертить, Дейв поднял на него глаза с таким видом, будто хотел сказать: «Ну что я такого сделал?!»

— Знаете, чем бы сейчас было бы здорово заняться?

При этих словах голос Джимми слегка зазвенел, и повисший в воздухе вопрос заставил сердце Шона затрепетать, возможно, потому, что «здорово» в понимании Джимми разительно отличалось от того, что обычно вкладывали в это слово окружающие.

— Чем?

— Порулить!

— Угу, — протянул Шон.

— Немножко. — Джимми схватил его за руки, вывернул ладони — ветка и асфальт были забыты. — Мы бы здесь по соседству покатались.

— Ну если по соседству... — промямлил Шон.

— Здорово было бы, правда? — Джимми широко улыбнулся, и Шон почувствовал, как улыбка сама собой прорывает линию ограждения и вот уже сияет и на его собственном лице.

— Да, это здорово!

— Да еще бы, здоровее не бывает. — Джимми даже подпрыгнул, вытаращил глаза и подпрыгнул опять. — Здорово...

Шон уже чувствовал в руках здоровенный руль.

— Да, да, да, да! — И Джимми ткнул Шона в плечо.

— Да, да, да! — И Шон ткнул Джимми в ответ. Внутри него что-то зыбилось, ширилось, вихрилось, все убыстряясь и блистая.

— Да, да, да! — подхватил и Дейв. Он тоже ткнул было Джимми в плечо, но промахнулся.

А Шон и забыл, что Дейв был рядом. Такое часто случалось, когда дело касалось Дейва. Шон не знал почему.

— Здорово, чертовски здорово, обалденно здорово, ей-богу! — Джимми расхохотался и опять подпрыгнул.

А перед глазами Шона как наяву уже возникла картина: они на переднем сиденье (Дейв сзади, если он вообще там будет), и катят, катят двое одиннадцатилетних мальчишек по Бакинхему, сигналият приятелям, обгоняют старших водителей на Данбой-авеню, не щадя покрышек, в визге тормозов и облаке выхлопных газов. Он чувствовал, как ветерок, задувающий в окно, треплет его волосы.

Джимми окинул взглядом улицу.

— Знаешь таких поблизости, что оставляют ключи в машине?

Шон таких знал. Мистер Гриффин оставлял ключи под сиденьем; Дотти Фиоре бросала их в бардачок, а старик Маковски, этот пьяница, который день и ночь врубаёт Синатру на полную катушку, частенько забывал их в замке зажигания.

Но, следя за взглядом Джимми и одновременно припоминая рассеянных владельцев машин, Шон чувствовал тупую боль в глазницах, словно улица, залитая солнцем, чьи лучи отражались от кузовов и капотов, давила на него — словно и сама улица, и дома на ней, и вся Стрелка, и все надежды, которые она возлагала на него, разом превратились в невыносимую тяжесть. Он не из тех мальчиков, что крадут автомобили. Он собирался в колледж, чтобы в один прекрасный день стать больше и главнее простого мастера или грузчика. Таковы были его планы, и Шон верил, что при известном терпении, а также осторожности планы эти осуществляются. Это как в кино, когда картина скучная или муторная, но ты не уходишь, а ждешь конца, потому что в конце все может проясниться или будет что-нибудь неожиданное, и ты не пожалеешь, что выдержал всю эту тягомотину.

Он хотел было поделиться этим соображением с Джимми, но тот уже шел по улице, заглядывая в окошки припаркованных автомобилей. Дейв поспевал за ним.

— Такая подойдет?

Джимми прикоснулся ладонью к «бель-эру» мистера Карлтона, и голос его, громкий и отчетливый, тут же был подхвачен свежим ветерком.

— Слушай, Джимми. — Шон приблизился к нему. — Может, в другой раз, а?

Лицо Джимми тут же стало скучным и злым.

— Ты чего это? Мы сейчас покатаемся. Повеселимся! Это ж обалденно здорово, ведь так?

— Обалденно здорово, — повторил Дейв.

— Да мы до приборной доски еле дотянемся.

— А телефонные книги на что? — Освещенное солнцем лицо Джимми сморщилось в улыбке. — Телефонными книгами мы у тебя в доме разживемся!

— Телефонные книги, — повторил Дейв. — Ага.

Но Шон выставил вперед руки:

— Нет. И хватит.

У Джимми сползла с лица улыбка. Он поглядел на руки Шона так, словно рад был бы отрезать их ему по самые локти.

— Ну почему ты не хочешь повеселиться, а?

Он потянул за ручку «бель-эра», но дверца была заперта. У Джимми задергались щеки и задрожала нижняя губа, он глядел на Шона с таким тоскливым, затравленным выражением, что тому стало жаль его.

Дейв переводил взгляд с Джимми на Шона. Он неловко взмахнул рукой и стукнул Шона в плечо:

— Да! Что это ты не разрешаешь нам повеселиться?

Шон не верил своим глазам. Дейв его ударил! Дейв!

Он пихнул Дейва в грудь, и тот полетел на землю.

Джимми ударил Шона.

— Что это ты, обалдел?

— Он меня ударил, — сказал Шон.

— Врешь, — сказал Джимми.

Шон удивленно вытаращил глаза, и Джимми передразнил его.

— Он меня ударил!

— «Он меня ударил», — пропищал Джимми девчачьим голосом и опять толкнул Шона. — Он мой друг, черт тебя дери!

— И я твой друг! — сказал Шон.

— «И я твой друг!» — передразнил Джимми. — И я! И я! И я!

Дейв Бойл был уже на ногах и хохотал.

— Прекрати, — сказал Шон.

— «Прекрати! Прекрати! Прекрати!» — Джимми опять толкнул Шона, больно надавив кончиками пальцев ему

на ребра. — Ну, вдарь мне! Вдарь, хочешь?

— Хочешь вдарить ему? — На этот раз Шона толкнул Дейв.

Шон даже не понял, как все это произошло. Он не помнил, что так взбесило Джимми и отчего вдруг Дейв первым ударил его. Еще секунду назад они стояли возле машины, и вот уже они на середине улицы, и Джимми толкает его, и лицо у него напряженно-злое, а черные глазки сузились; и Дейв тоже готов влезть в драку.

— Давай, давай, вдарь!

— Не хочу я...

Новый тычок в грудь.

— Давай, маменькина дочка!

— Джимми, разве нельзя просто...

— Нельзя. Ты что, девчонка-недотрога, да?

Он собрался толкнуть его еще раз, но замер, и на лице его опять мелькнуло тоскливое, затравленное и усталое, как уже заметил Шон, выражение, а глаза его, глядевшие мимо Шона, были обращены на что-то, появившееся на улице.

Это был коричневый автомобиль, длинный и широкий, похожий на те, в которых разъезжают полицейские, — «плимут» или вроде того; бампер его очутился возле самых их ног, и двое полицейских из-за стекла уставились на них; лица полицейских были размытыми, потому что в стекле проплывали отражения деревьев.

И Шона охватило внезапное ощущение какого-то перелома, рубежа, уничтожившего безмятежность этого утра.

Тот, что был за рулем, вылез. Типичный полицейский: коротко стриженный блондин, краснолицый, в белой рубашке и черно-золотистом нейлоновом галстуке, над ременной пряжкой — внушительная выпуклость живота. Второй полицейский казался больным: он был худой, вялый и из машины не вылез — продолжал сидеть на

месте, прижав руку к сальным черным волосам и поглядывая через зеркальце бокового вида на трех мальчишек, стоявших возле дверцы водителя.

Толстомясы́й нацелил на них палец, потом согнул его, делая ребятам знак подойти поближе и повторяя этот жест, пока они не очутились возле него.

— Можно мне вам вопросик один задать, а? — Он наклонился, перегнувшись во внушительной своей талии. — Вы что, ребята, думаете, драться посреди улицы — это хорошо?

Шон заметил золотой жетон, прицепленный к ремню у толстого правого бока.

— Не слышу ответа! — Полицейский приложил руку к уху.

— Нет, сэ́р.

— Нет, сэ́р.

— Нет, сэ́р.

— Значит, вы хулиганы. Вот вы кто такие! — Он ткнул своим толстым пальцем в сторону человека в машине. — Мне и моему напарнику порядком надоело здешнее хулиганье, от которого приличным людям в Ист-Бакинхеме житья нет и на улице страшно показаться. Ясно?

Шон и Джимми молчали.

— Простите, — сказал Дейв Бойл. Вид у него был такой, словно он сейчас расплачется.

— Вы здешние? — спросил рослый полицейский. Глаза его шарили по левой стороне улицы так, словно он знал здесь всех и каждого и соври они, он их тут же заберет в отделение.

— Угу, — сказал Джимми и оглянулся на дом Шона.

— Да, сэ́р, — сказал Шон.

Дейв ничего не ответил.

Полицейский перевел взгляд на него:

— А? Ты что-то сказал, парень?

— Что? — Дейв покосился на Джимми.

— Ты на него не гляди. Ты на меня гляди! — Дыхание толстомясого с шумом вырывалось из его ноздрей. — Ты здешний, парень?

— А? Нет.

Полицейский наклонился к Дейву:

— А где ты живешь, сынок?

— Рестер-стрит. — Он все еще не сводил глаз с Джимми.

— Отребье с Плешки пробралось на Стрелку, да? — Вишнево-алые губы полицейского вытянулись в трубочку, словно он сосал леденец. — И наверно, не для добрых дел.

— Сэр?

— Твоя мать дома?

— Да, сэр. — По щеке Дейва скатилась слеза, и Шон с Джимми отвели взгляд.

— Надо будет с ней побеседовать. Рассказать, что задумал ее хулиганистый сынок!

— Я... да я ничего... — забормотал Дейв.

— А ну залезай! — Полицейский распахнул заднюю дверцу, и Шон ощутил явственный и крепкий запах яблок, октябрьский запах.

Дейв поглядел на Джимми.

— Лезь давай! — рявкнул полицейский. — Ты что, хочешь в наручниках оказаться?

— Я...

— Что? — Казалось, полицейский был просто в ярости. Он хлопнул по распахнутой дверце. — Лезь, черт тебя дери!

Громко плача, Дейв влез на заднее сиденье.

Полицейский уставил толстый, как обрубок, палец на Джимми и Шона.

— А вы ступайте и расскажите вашим матерям, как вы себя вели. И чтобы больше драк на моих улицах не было!

Джимми и Шон посторонились, а полицейский впрыгнул в машину, и та тронулась.

Они глядели, как, доехав до угла, она повернула направо. Лицо Дейва, постепенно растворявшееся в темноте автомобиля, было все время обращено к ним. И тут же улица опустела, онемела, словно оглушенная стуком захлопнувшейся дверцы. Джимми и Шон стояли на месте, где только что был автомобиль, глядели себе под ноги и по сторонам, только не друг на друга.

Шон все не мог избавиться от острого ощущения перелома, к которому теперь присоединился мерзкий вкус во рту — словно сосешь грязные монеты. В желудке была пустота, как если б его вычерпали ложкой.

Наконец Джимми сказал:

— Ты все начал.

— Он начал.

— Нет, ты. Теперь его зацапали. А у матери его не все дома. Нечего и говорить о том, что она сделает, когда его приволокут к ней двое полицейских.

— Не я это начал.

Джимми пихнул Шона, и тот ответил ему тем же. Сцепившись, они покатались по земле, тузя друг друга.

— Эй!

Шон отпустил Джимми, и они оба вскочили, ожидая опять увидеть перед собой полицейских, но вместо них перед мальчиками предстал мистер Дивайн, спускавшийся с крыльца и направлявшийся к ним.

— Чем это вы двое, черт возьми, занимаетесь?

— Ничем.

— Ничем.

Поравнявшись с драчунами, отец Шона нахмурился.

— Уйдите-ка с мостовой.

Мальчики поднялись на тротуар, туда, где стоял отец.

— Разве вы не втроем были? — Мистер Дивайн огляделся по сторонам. — А где Дейв?